

Валерий Отяковский

Воспоминания Юрия Перцовича о Всеволоде Мейерхольде

Valerii Otiakovskii

Memoirs about Vsevolod Meyerhold by Yuri Pertsovich

Валерий Отяковский (Гарвардский университет; постдокторантура; PhD) klerk95@gmail.com.

Valerii Otiakovskii (PhD; Postdoctoral Fellow, Harvard University) klerk95@gmail.com.

Ключевые слова: Новороссийск, Государственный институт истории искусств, театр, воспоминания

Key words: Novorossiysk, State Institute of Art History, theater, memoirs

УДК: 792.03

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_111

UDC: 792.03

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_111

Публикация построена вокруг мемуарного очерка о В. Мейерхольде журналиста Ю. Перцовича, который встречался с режиссером на протяжении нескольких месяцев 1920 года в Новороссийске. В воспоминаниях запечатлены яркие эпизоды, характеризующие резкость и непредсказуемость построения культуры в обстановке Гражданской войны. Впервые публикуется авторская редакция, вдвое расширенная по сравнению с газетной.

This paper examines a memoir about V. Meyerhold by the critic Yuri Pertsovich, who was in touch with him in 1920 in Novorossiysk. The memoirs contain vivid episodes that characterize the unpredictability of culture-building processes in the context of the Civil War. The author's variant is published for the first time, double compared to the known publication.

Одним из неизменных спутников революции является децентрализация — насилия, власти, а также культуры. Культурный канон в турбулентные времена размывается, в том числе и чисто географически: так, во времена Гражданской войны художники из столиц оказываются в непривычных пространствах, по-новому встраиваясь в местный культурный ландшафт (см. яркий пример: [Бабак, Дмитриев 2021: 114—136]).

Именно этот процесс отображен в мемуарном очерке Юрия Перцовича о Всеволоде Мейерхольде в Новороссийске 1920 года. Режиссер покинул Петроград в 1919-м, отправившись в Крым лечить туберкулез. Вскоре он бежал оттуда в Новороссийск, опасаясь деникинцев, однако и этот город вскоре оказался подконтролен Добровольческой армии. Мейерхольд был арестован, но затем Новороссийск заняла Красная армия, что принесло режиссеру свободу и возможность возвращения к работе: весной и осенью 1920 года Мейерхольд занимался преобразованием местной театральной среды, по сути, создав новое культурное пространство в приморском городе, а после уехал в Москву.

Мемуарист Юрий Перцович в момент встреч с Мейерхольдом только закончил гимназию, возглавляемую поэтом Евгением Архипповым (1880—1950). Вокруг модерниста и эстета Архиппова собиралась городская интеллигенция (например, семейство Алперсов, позже близкое Мейерхольду), а Перцович был вхож в его близкий семейный круг. В будущем Перцович стал учеником фор-

малистов в Государственном институте истории искусств (ГИИИ) и ленинградским библиографом (его краткую биографию см.: [Отяковский 2022]).

В мемуарном очерке, написанном шестьдесят лет спустя после знакомства с Мейерхольдом, Перцович рассказывает о сотрудничестве режиссера с большевиками и, в частности, демонстрирует, как художник использовал появившийся у него административный ресурс. Энтузиаст революции Мейерхольд возглавляет подотдел искусств Отдела народного образования, пуская все доступные ресурсы на организацию масштабных перформансов, напоминающих (с поправкой на масштаб) петроградские «Мистерии освобожденного труда» и «Взятие Зимнего дворца». Он наполняет городские театры модернистскими и авангардными пьесами, занимается с молодыми актерами. Судя по современным краеведческим работам, эти несколько месяцев — в общем-то случайные в биографии Мейерхольда — стали принципиально важными для театральной жизни Новороссийска (см.: [Белогурова 2019; Тонких (Зарицкая) 2019]). Мейерхольд оказался своеобразным триггером, запустившим преобразование городских институций культуры — не только внутри театра, но и за его пределами (см. ниже упоминание книготорговых проектов, образовательных кружков, общение режиссера с литераторами и музыкантами). Локальная система культурного производства на несколько месяцев стала радикально динамичной, собственно, была революционизирована — поэтому и после отъезда режиссера его след остался в памяти местной интеллигенции.

В конце 1970-х годов с Перцовичем, который к тому моменту был ленинградским пенсионером, связался краевед из Новороссийска Н.А. Лангуси. По его просьбе Перцович написал небольшой текст, который отчасти был напечатан в газете «Новороссийский рабочий»¹. В этой публикации, однако, текст был вдвое сокращен по сравнению с авторской редакцией, а оставшееся переписано языком советской прессы. В архиве Перцовича сохранилась машинопись авторской версии, включающая несколько ярких эпизодов, не вошедших в газетную публикацию и сохранившая харизматичный авторский стиль, она и представлена ниже.

Текст публикуется по машинописи: Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 1306. Д. 373. Л. 9—12.

Статья Ю. Гольцева «В Москве и Новороссийске», вошедшая в сборник «Творческое наследие В.Э. Мейерхольда» (М., 1978. С. 247 сл.), вызвала во мне воспоминания, которыми, по их малозначимости, я ни с кем никогда не делился, хотя они прибавляют несколько строк к биографии В.Э.

Зимой и весной 1919—1920 г. я ходил в последний, восьмой класс гимназии мимо домов и заборов, на которых были расклеены крупнейшие газеты, переместившиеся сюда из Москвы и Петрограда, сокращенные до формата нынешних фабрично-заводских газет, или радиопрограмм. Чем ближе к марту 1920 года, тем больше ввали они об успехах Белой армии. Между тем все слышнее была слышна пальба пушек за перевалом, где партизаны («зеленые»), сли-

1 Перцович Ю. В далеком двадцатом... Странички биографии Новороссийска: о пребывании в Новороссийске Мейерхольда В.Э. // Новороссийский рабочий. 1981. 20 мая.

ваясь с наступающей Красной армией, гнали и добивали арьергарды денкинцев, шкуровцев, мамонтовцев. В порту толпы военных, сбивая и сталкивая друг друга с трапов пароходов и любых способных держаться на воде плавсредств, стремились попасть на палубу; в городе озверело расправлялись казаки, врывались в дома, насилая и грабя, ища золото — монеты, кольца, браслеты, часы, все, что могло поддержать их существование за рубежом. Все побережье от города до порта было усеяно трупами. Ворвались они, выломав калитку ворот, и в нашу квартиру. Случись это на два, три дня раньше, они обнаружили бы в ней Мейерхольда.

Его держали в подвале Особого отдела по обвинению в содействии большевистскому правительству — он ставил «Мистерию буфф» Маяковского и другие революционные пьесы. На его счастье, следствие вел заядлый театрал и поклонник его таланта. На последнем допросе он сказал: «Через несколько дней мы уйдем. Я отпущу вас под честное слово, но вам надо хорошо спрятаться, потому что группа офицеров монархистов поклялась разделаться с вами в последний час»².

Мой учитель³, историк, преподававший по крамольному в те годы В.О. Ключевскому, читавший в школьном литкружке стихи символистов, переписывавшийся с Блоком, Волошиным, Черубиной де Габриак (Е.И. Васильевой), доверял мне. Но, приведя В.Э., не назвал его нам, а попросил позволить ему на день-другой остаться ночевать.

В первые дни советской власти я узнал его, увидев в Отнаробе, которым заведовал Федор Гладков, автор «Цемента». В Отнаробе организован был отдел искусств, а в нем подотделы Лито, Музо, Изо и Тео, которым и стал ведать В.Э. Едва ли не на следующий день белогвардейские газеты были заклеены написанным В.Э. «Приказом по армии искусства»⁴, которым все имевшие отношение к театру обязывались явиться в подотдел для выполнения заданий. Таковых оказалось больше, чем достаточно.

Не прошло и месяца, как подотдел искусств съел весь бюджет Отнароба. В.Э. устраивал карнавалы, первомайские кортежи на вереницах грузовиков, на которых актеры, в костюмах разных эпох, изображали Спартака, Дантона, деятелей Парижской коммуны, читали монологи и разыгрывали сцены вперемежку с лозунгами дня. В театре, кроме пьес, отмеченных Гольцевым, В.Э. ставил «Нору»⁵, «Гибель надежды», «Мнимого больного». Тут он причастил к театру и меня, поручив первые и последние в моей жизни роли. В одной пьесе ему понадобился скрипач, о ч е н ь плохо играющий... за кулисами. Он вспомнил, как я пиликал гаммы дома. Видимо, я играл как надо, потому что он доверил мне роль со словами. Следовало пройти через сцену, хромая, опираясь на плечо товарища, со страдальческим выражением лица. Товарищ участливо спрашивал меня: «Что, здорово жмет?», я вздыхал: «Ох, и жмет же!», и скры-

2 Подробности об аресте Мейерхольда см., например, в краеведческой статье, основанной на местных архивах: [Гнездова 2017].

3 Имеется в виду Е.Я. Архиппов.

4 О прагматике авангардистских приказов см., например: [Россомахин 2019].

5 В своих мемуарах Ю. Гольцев все-таки упоминает, что «театральной сенсацией Новороссийска явилась постановка Мейерхольдом в Театре имени В.И. Ленина “Норы” Г. Ибсена с участием А.В. Богдановой в заглавной роли и Д.Н. Орлова в роли доктора Ранка» (*Гольцев Ю.* В Москве и Новороссийске // Творческое наследие В.Э. Мейерхольда / Ред.-сост. Л.Д. Вендровская, А.В. Февральский. М.: ВТО, 1978. С. 250).

вался за кулисы. Неудивительно, что этот эпизод имел успех. Зал взрывался дружным хохотом, потому что хитрый режиссер дал мне, длинному не по возрасту⁶, в спутники совершенного гнома, и это были, полагаю, впервые на театре, Пат и Паташон, которые имели тогда бешеный успех в кино. На это и ставил В.Э. Упоминаю об этом не в надежде войти в историю театра, а потому, что это раннее свидетельство о трюках, к которым позже так охотно прибегал В.Э.

Его хватало на все. В огромном зале пустующего кинотеатра он устроил студию для молодежи, куда стекались дети портных, шапошников, жестянщиков, за отсутствием рабочих, заменявших пролетариат. Пошел, разумеется, и я, уже обогащенный опытом. Стоя в центре зала, нервно постукивая толстой кизиловой палкой, В.Э. вводил сидевших вдоль стен юношей и девушек в историю театра и теорию мастерства. Давал задания: мальчикам — прочесть монолог Бориса («Шестой уж год я царствую спокойно»), девушкам — письмо Татьяны. Тогда и услышал я его толкование первой строки. Все читали: «Я к вам п и ш у». Он поправлял: «Дело ведь не в том, что она пишет, а в том, что она, первая, к нему. Надо читать — «Я — к в а м !». Именно поэтому он мог, по ее, и всех в те времена, представлению, ее «позором наказать».

Из всех национализированных книжных магазинов В.Э. собрал на полки небольшого киоска, стоявшего на главной улице, у Раевского бульвара, книги по философии, истории, литературе, театру, с тем чтобы актеры могли ими пользоваться, работая над ролью. Увы, за несколько месяцев моего заведывания этим киоском ни актеры, ни режиссеры, ни вообще кто бы то ни было в него ни разу не заглянул. Кроме, впрочем, самого В.Э., угрюмо констатировавшего ситуацию. Махнув на это начинание рукой, он переместил меня в свой подотдел, назначив... инструктором по театру. Тогда такое выдвижение было возможно (как, впрочем, и теперь). И снова я, к счастью, в этой роли никому не понадобился. Но мне к осени понадобилось выехать в Ростов, где я надеялся поступить в университет. Нужна была командировка, и В.Э. тут же ее сочинил: «Поручается сотруднику... выяснить разницу между полит- и культпросветом». Как горюю я, что эта бумага за печатью и с подписями Гладкова и Мейерхольда погибла в годы блокады Ленинграда, вместе с библиотекой и архивом, в котором, кроме нее, хранились рукописи автобиографий и стихотворений, авторских, Маяковского, А. Толстого, Мандельштама, Зощенко, и многих других, собранных мною по заданию факультета литературы Института истории искусств, где я в двадцатые годы учился. Они нужны были для семинара по текстологии⁷.

-
- 6 Перцович действительно был очень высок. Его подруга Е.А. Бекштрем (Старинина) вспоминала: «Помнишь ли ты, как мы в Новороссийске подолгу бродили, а за нами следовали обожавшие меня собаки с разных дворов, и ты их время от времени обгонял — я об этом сыну рассказывала. И как тебя спросили: “Дяденька, наверху холодно?”» (Е.А. Бекштрем — Ю.С. Перцовичу. РО РНБ. Ф. 1306. Д. 477. Л. 15). Также см. в ее письмах: «В Новороссийск я впервые попала весной 21 года. Ни Волошина, ни Рославлева лично не знала, не видела и не помню, рассказывали ли мне о них. Вот рассказы о Мейерхольде помню. Как вечером Над. Сергеевна [Архишпова] гуляла с ним по берегу и, шутя, подталкивала к краю воды, а он сказал: “Бросьте деревенский флирт, давайте перейдем на городской!”» (Е.А. Бекштрем — Ю.С. Перцовичу. Там же. Д. 480).
- 7 В ГИИИ собиранием автографов раннесоветских писателей занимался Кабинет современной литературы под руководством К.А. Шимкевича, помощником которого служил Перцович. В 1928/29 академическом году при Кабинете работал текстологический семинар под руководством Шимкевича и Б.В. Томашевского (Производст-

Попутно с юмористическим заданием, к которому, кстати сказать, в Краевом отделе искусств отнеслись вполне серьезно, пообещав дать письменное разъяснение, В.Э. поручил мне зайти к своему старшему брату, Эмилию Эмильевичу, владельцу крупного маслозавода, в роскошном особняке которого и разместился отдел искусств. Сдав командировочное удостоверение в бывшей гостиной, стены которой были покрыты шелковыми панно, забитой письменными, канцелярскими, кухонными столами, я прошел в бывшую столовую, мрачную, освещенную только свечой, у ближнего края уходящего в этот мрак стола, за которым в кожаном вольтеровском кресле сидел сухонький старичок. Ему оставили эту комнату и корову. На столе стоял кувшин с молоком и чашка, кусочек хлеба. Я передал привет, рассказал, что знал о работе и быте В.Э. и так как он не сразу ответил, разглядывал дубовые панели, резной потолок, все убранство барской комнаты, какой никогда до этого не видел. Наконец, он тихо, медленно, веско процедил: «Передай Всеволоду, чтоб он не очень зарывался. Сегодня белые, завтра красные, потом опять белые. И уж тут его обязательно повесят».

Вернувшись, я доложил этот завет В.Э. Он весело рассмеялся. «Теперь, брат, поздно беречься. Да и не все ли равно, на тонкой или на толстой веревке повесят. Так что будем продолжать».

Среди новороссийских друзей В.Э., знакомых ему по Москве и Петрограду, была семья Алперсов, высоко интеллигентная и талантливая. Отец — композитор, старший сын, Борис, поэт, впоследствии историк театра, критик, доктор искусствоведческих наук. Младший, Сергей, превосходный пианист, рано, к сожалению, умерший. Дочь, Вера, преподаватель ритмики по системе Далькроза, бывшей в те годы в моде. К концу семидесятых годов, кажется, она одна еще осталась в живых. Однажды, застав у них В.Э., я попросил их дать мне коллективный автограф. Сергей вырвал из блокнота листок и написал на нем первую строку программного для символистов стихотворения Верлена, по-французски: «О музыке прежде всего». Ту же строку повторили остальные. Борис — «О поэзии...», Вера — «О ритме...», В.Э. — «О театре...». Как пригодился бы сегодня для витрины театрального музея этот листок. Жаль, погиб и он.

Восемь лет спустя, в дни гастролей театра Мейерхольда в Ленинграде, я случайно узнал, что В.Э. остановился в квартире надо мной. Решил подняться. Он припомнил меня, принял приветливо, но выглядел усталым и озабоченным. Видимо, я пришел не вовремя, разговор не клеился. Может быть, еще и потому, что из соседней комнаты то и дело доносился голос Зинаиды Райх, раздраженный, капризный, торопивший мужа куда-то ехать. Извинившись, я ушел. Ни В.Э., ни советский театр от этого несостоявшегося разговора ничего не потеряли. Но в памяти моей остался не этот, а новороссийский, полный сил, энергии, обаяния, еще ничем не удрученный Мейерхольд.

Еще через несколько лет я подружился с Арнштамом, пианистом, потом кинорежиссером, делавшим сценарий «Встречного»⁸. Он был зав. музчастью

венный план отдела словесных искусств ГИИИ на 1928/29 акад. год. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 82. Оп. 3. Д. 28. Л. 91).

8 «Встречный» (1932) — фильм Фридриха Эрмлера и Сергея Юткевича. Лео Арнштам — один из сценаристов картины. С ним Перцович состоял в многолетней дружеской переписке.

в театре В.Э. и женился на его младшей дочери, Ирине, в дни новороссийские тонкой, необыкновенно изящной девушке, через серию замужеств (последнее — Меркурьев) превратившейся в сторбленную, черствую старуху, имевшую класс или помогавшую вести класс мужу в театральном училище на Моховой. Разбирая так называемый мелкий материал Публичной библиотеки, назначенный к передаче в макулатуру, я выделил театральные афиши, касающиеся В.Э. 1917 и 1918 гг., и послал их ей. Мне передали, что она хотела бы встретиться, но я боялся потерять образ, когда-то такой пленительный, и уклонился от приглашения.

Библиография / References

- [Бабак, Дмитриев 2021] — *Бабак Г., Дмитриев А.* Атлантида советского нацмодернизма: формальный метод в Украине (1920-е — начало 1930-х). М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (*Babak G., Dmitriev A.* Atlantida sovetского natsmodernizma: formalnyy metod v Ukraine (1920-e — nachalo 1930-kh). Moscow, 2021.)
- [Белогурова 2019] — Мейерхольд в Новороссийске: Библиографическое пособие / Сост. И.В. Белогурова. Новороссийск: МБУ ЦБС г. Новороссийска, 2019.
- (*Meyerkhold v Novorossiyske: Bibliograficheskoe posobie / Comp. by I.V. Belogurova. Novorossiysk, 2019.*)
- [Гнездова 2017] — *Гнездова Т.* Мейерхольд в революционном Новороссийске // Кубань в эпоху великих потрясений 1917—1920 гг. Фелицынские чтения XIX. Краснодар: Вика-принт, 2017. С. 26—29.
- (*Gnezdova T.* Meyerkhold v revolyutsionnom Novorossiyske // *Kuban' v epokhu velikikh potryaseniya 1917—1920 gg. Felitsynskie chteniya XIX. Krasnodar, 2017. P. 26—29.*)
- [Отяковский 2022] — *Отяковский В.* Между самокритикой и самооправданием: случай Юрия Перцовича // Новое литературное обозрение. 2022. № 5 (177). С. 104—118.
- (*Otiakovskii V.* Mezhdru samokritikoy i samoopravdaniem: sluchay Yuriya Pertsovicha // *Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. No. 5 (177). P. 104—118.*)
- [Россомехин 2019] — Приказ Реввоенсовета № 279 «К пятилетию Красной Армии», с иллюстрациями Юрия Анненкова. Уничтоженное издание 1923 года. + Антология авангардистских приказов и декретов 1917—1924 годов. (Приказ как литературный жанр: от футуристов до ничевоков) / Сост. и науч. ред. А. Россомехин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019.
- (*Prikaz Revvoensoveta No. 279 "K pyatiletiyu Krasnoy Armii", s illyustratsiyami Yuriya Annenkova. Unichtozhennoe izdanie 1923 goda. + Antologiya avangardistskikh prikazov i dekretov 1917—1924 godov. (Prikaz kak literaturnyy zhanr: ot futuristov do nichevokov) / Comp. by A. Rossomakhin. Saint Petersburg, 2019.*)
- [Тонких (Зарицкая) 2019] — *Тонких (Зарицкая) Т.* Становление и развитие советского театрального искусства в г. Новороссийске (1920—1940 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 1 (234). С. 39—45.
- (*Tonkih (Zarickaja) T.* Stanovlenie i razvitie sovetского teatral'nogo iskusstva v g. Novorossiyske (1920—1940 gg.) // *The Bulletin of the Adyge State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culture". 2019. No. 1 (234). P. 39—45.*)